

Штурмбаннфюрер Дириг хорошо понимал русский и, видимо, потому командовал ликвидацией Симферопольской психиатрической клиники. Пациентов-евреев вывезли ещё в прошлом месяце, теперь пришла очередь обычных дегенератов. Хайнц Дириг, сухощавый и прямой, стоял посреди коридора и наблюдал за выполнением задачи в женском отделении.

Совсем юная пациентка с пушистыми, как шерстяная кудель, волосами доверчиво держала за руку солдата, который вёл её к выходу. Глаза её сияли нетерпеливым ожиданием, ведь храброе мартовское солнце так славно играло на оконном стекле. Другие же каким-то звериным нюхом почуяли скорую гибель. Грузная пациентка лет пятидесяти так крепко ухватилась за подоконник, что дюжий немец не мог оторвать её.

— Ну же! — на всю больницу рявкнул Дириг. — Не будь размазнёй, Рольф!

— Слишком громко! — услышал Дириг и обернулся.

По коридору шла красивая светловолосая женщина с пустым подносом в руках. Вот наглая обслуга!

— Was? — прорычал Дириг, стиснув её руку чуть выше локтя.

— Zu laut ¹! — отчётливо проговорила женщина, глядя на него большими серыми глазами. — Zu laut!

Он почувствовал запах земляничного мыла.

— Кто ты, русская сука? Отвечать!

К Диригу подскочил смуглый молодой медбрат — сегодня он вызвался помочь, и его не изолировали вместе с прочим медицинским персоналом. Он сбивчиво объяснил штурмбаннфюреру, что эта дамочка с подносом — из пациенток, она здесь уже два года, отличается смиренным нравом и опрятностью, понимает, что ей говорят, и потому её иногда просят помочь на кухне.

— Иудей? — мрачно спросил Дириг темнокудрого медбрата.

— Нет, я грек, беспартийный... — торопливо сказал парень.

— Тогда веди её в мой автомобиль! — скомандовал Дириг.

Безропотно повинувшись, молодчик взял больную под руку и повёл её во двор. Всех остальных пациентов втолкнули в громоздкие серые газвагены, которые симферопольцы называли «душегубками». Около десяти минут из закрытых машин доносились стук и крики.

¹ Слишком громко (нем.)

— Просто невозможно работать, — сказал угрюмый водитель, втапывая окурки в землю. — Голова болит от этого воя.

— Крепись, скоро пришьют машины с новой подачей газа! — бодро ответил Дириг. — Они будут сначала терять сознание, а потом умирать.

2.

— Анне двадцать семь лет, её отец был доцентом в Крымском институте. Её привезли к нам в состоянии прострации. Она не двигалась и смотрела прямо перед собой... Мы так и не смогли понять, что с ней произошло. Возможно, болезнь зрела с детства: домашние говорили, что она всегда была меланхоличной и стеснялась общества. В двадцать три года она вышла замуж за цветовода.

Психиатр поёжился от весенней прохлады и запахнул на груди плед. Они с Диригом сидели на террасе и пили какой-то неожиданно вкусный травяной отвар. Это было очень странным. Конечно, Диригу всегда нравились высокие светлоглазые блондинки. Он никогда не изменял своему пристрастию, и Эва была такой же... И всё же, странно. И то, что он оставил Анну у себя, и то, что он сейчас беседует с её лечащим врачом.

...В тот вечер штурмбаннфюрер привёл её к себе на квартиру и прогнал денщика. Женщина механически разулась и потерянно стояла посреди комнаты. Он подошёл к ней сзади, сорвал хлопковое лавандовое платье, заставил нагнуться. И поразился её мраморной безупречности. Гибкая спина, широкие бедра, длинные ноги с полными икрами и узкими щиколотками... и, конечно, соломенного цвета волосы, густые и сильные. Всё, что, по мнению Дирига, составляло женское совершенство. Потом она содрогнулась от боли — Дириг давно не был с женщиной и действовал жёстко — но у неё не вырвалось ни звука. Тогда он оценил её главное достоинство — молчание.

Берлинская подруга Эва, при всех её прелестях, не была безупречной. Немного длинный рот, порой слишком сильные жасминовые духи (а ведь он просил не душиться ими!), переход на визгливые интонации, когда она особенно хотела обратить на себя внимание... А впрочем, Дириг был уверен, что Эва давно его не ждёт.

Но как же быть? Что скажут другие офицеры о его связи с ненормальной? Конечно, на первый взгляд, она не выглядит дегенераткой. Сможет ли она играть роль безмолвной спутницы, не знающей немецкого? От волнения Дириг закурил папиросу своего денщика (сам он не любил табак). Анна застегнула платье, пригладила волосы и повернулась к нему. Глаза её были глубоки и пусты одновременно. «Как осеннее небо...» — подумал Дириг, порой не чуждый романтизма.

Он оставил её у себя. Приказал денщику раздобыть ей одежды и земляничного мыла. В конце концов, сорокалетнему мужчине трудно обходиться без женщины. А те развязные местные дамочки, с которыми развлекались сотоварищи, нисколько не привлекали Дирига — он был до крайности чистоплотен и панически боялся дурных болезней.

Однако, осторожный офицер должен был подробней узнать об этой женщине и её недуге. Сама она сказала только своё имя.

— На чем я остановился?

— Цветовод.

— Конечно. Викентьев, потомственный цветочный селекционер. В Ялте выводил, кажется, пионы. Анна помогала ему. Вручную опыляла сотни цветков — здесь, и правда, недолго умом тронуться... Впрочем, муж недоумевал — что стало причиной помрачения.

— Что с ней теперь?
— Вы видели её. Она спокойна, понимает обращённую к ней речь, и даже односложно отвечает на вопросы. Но, к сожалению, остаётся глубоко в себе замурованной. Всякий раз, когда я предлагаю что-то рассказать о себе — или просто написать! — она снова камнеет. Когда спрашиваю, хочет ли выйти из клиники — молчит.
— Какие лекарства она принимает?
— На этом этапе лекарства, боюсь, бесполезны. В последнее время ей были предписаны только тёплые души и прогулки на свежем воздухе.
— Так может ли она... как это? Выправиться?
— Да, вероятно. Такое бывает...
Дириг видел, что доктор замялся. Очевидно, он не хотел повредить Анне своим ответом.

— Говорите. Почему я тяну из вас слова!
— Видите ли, всегда трудно давать прогнозы. Может быть, здоровье её восстановится просто с течением времени. При благоприятных условиях, конечно. А может быть, она вернётся к себе прежней под влиянием какого-то потрясения — такие случаи бывали.
— Её родители в Симферополе?
— Нет. Когда началась война, они уехали в Москву к старшей дочери.
— Муж?
— О нём я не знаю. Знаете, он навещал её только первые полгода.

Дириг кивнул и задал последний вопрос — о происхождении Анны. Ответ удовлетворил его: отец русский, мать полурусская, полуполька.

Вернувшись на квартиру, Дириг по-немецки приказал Анне стереть в комнате пыль. Как ни странно, она выполнила просьбу быстро и тщательно. И штурмбаннфюрер принял окончательное решение.

3.

Летом 45-го года Хайнц Дириг и Анна были в Цюрихе. Конечно, офицер теперь обходился без погон и носил другую фамилию — Шефер. Анна по документам была его женой, фрау Анной Шефер. Неизвестно, что больше печалило Дирига — безнадёжный проигрыш Германии или утрата нежно любимого Берлина.

Так или иначе, он понимал, что его участь благополучней, чем у многих товарищей по несчастью. Племянник немецкого текстильного магната, Дириг располагал личным капиталом в швейцарском банке. У него была светлая комфортная квартира и аккуратная пожилая служанка. И Анна, все такая же непроницаемая и прекрасная. Она была для него спящей красавицей, которую он не слишком старался разбудить. Изредка он, разумеется, злился и называл её мороженой куклой, но обычно Анна ничем не раздражала его. Пусть он не мог взять её на концерт или в оперу — ведь она всё так же боялась громких звуков — но спокойно водил её в кафе и в кондитерские, где Анна демонстрировала безукоризненные манеры и кратко отвечала на приветствия obsługi.

Меланхоличная спутница больше не казалась Диригу ко всему одинаково равнодушной. Он знал, что она любит ванильное мороженое. Ей нравились малыши в колясках, а вот при виде подростков в её глазах появлялся тревога. Он видел, какое любопытство вызывают у неё шляпы со страусиными перьями — дразнящими, намекающими, призывными. Правда, в магазинах одежды и шляп Анна всегда терялась,

торопливо указывая рукой на первое попавшееся платье пастельного оттенка. Но Дириг всегда мог пригласить портниху и шляпницу на дом. А ещё ему доставляло удовольствие покупать для Анны косметику — пудру и тушь, карандаши и помаду. Она проводила перед зеркалом целые часы, медленными и точными движениями подводя глаза и придавая нужный оттенок щекам.

Вторым увлечением Анны была парижская курчавая канарейка — жёлтая пташка, которую Дириг в шутку назвал Сюзеттой. Когда в комнату кто-то входил, Сюзетта начинала громко петь, кокетливо крутя головкой в разные стороны.

Со служанкой Магдой у Анны сложилась идеальная гармония — они понимали друг друга почти без слов. Иногда они вместе чистили столовые приборы или раскатывали тесто для пирога, иногда гуляли по набережной Цюрихского озера.

В августе Дириг с Анной поехали в горы: новоявленному Шеферу показалось, что он постоянно видит в Цюрихе знакомые немецкие лица. Маленький отель оказался на редкость уютным, вот только день был очень знойным, а горное солнце — немилосердным. Дириг зашторил окна и вдруг увидел, что Анна, необычайно бледная, прижимает к животу ладонь.

— Что с тобой?

Встревоженный Дириг взял её за плечи и с силой встряхнул.

Анна застонала, стиснув зубы. Зная, как она терпелива, Дириг понял, что боли очень сильные. Через час из пивной привели полупьяного доктора. Он предположил желудочную инфекцию и судороги: «В такую жару многие заболевают...». Посоветовал прохладные компрессы на живот, оставил какой-то антисептик и, покачиваясь, ушёл.

Ещё через два часа началась сильная рвота. Чертыхаясь, Дириг вызвал прислугу, которая вытерла пол и вышла, тихо прикрыв дверь.

Внезапно Анна приподнялась на подушке и отчётливо сказала:

— Мама! Что из того, что мне выпали цари-бобы? Я не хочу выходить замуж, мама! Разве нельзя мне остаться с вами?

Поражённый Дириг метнулся к ней. Лицо её горело, локоны развилась и потемнели от пота.

— Что такое «цари-бобы»? — нахмурился Дириг.

Разве это можно объяснить? Анна облизнула пересохшие губы и покачала головой. Мама в шутку гадала на бобах — тёмных и блестящих, как лаковые пуговицы. Анне выпали два больших боба — «цари». *К замужеству!* Мама смеялась, и монисто подпрыгивало на её высокой груди. Она любила серебряные мониста.

У него красивый дом, большой цветник и домработница. Ты же так любишь цветы! Но Анна совсем не любила Тимофея Викентьева. Да, он бывал у них в доме уже пять лет. Длинные тёмно-русые кудри, очки, весёлые гримасы... Она знала, что он разведён с женой и выращивает редкие по красоте цветы.

Анюта, ты совсем взрослая. Ты не можешь всегда быть с нами! Вот Капа уехала и живёт своей жизнью.

Ах, причём здесь Капа? Всем и всегда было понятно, что сестра уедет из Симферополя, а она, Аня, останется дома.

— Мамочка... — дрожащим голосом начала Анна. — Ты ничего не знаешь. Во дворе больницы были такие страшные серые машины. Всех закрыли в машинах, мама...

Дириг стиснул её ладонь. Она была очень горячей.

— Посмотри на меня, Анна!

Но она уже упала на подушки и закрыла глаза. Наутро жар спал. Она ничего не ела, но, видимо, спазмы уже утихали.

— Анна, ты помнишь тот день, когда я забрал тебя из больницы?

Она посмотрела на него пустым серым взором.

— Помнишь?!

Она молчала.

Мысли прыгали в его голове как бешеные мыши. Она всё помнит! Может быть, она вовсе не тронутая? Симулирует? Конечно, ведь даже врач Анны был озадачен её болезнью! Чёр-рт! Ну, нет — она же не могла притворяться больше трёх лет. Так. Но что же будет, если она пробудится? Когда она всё вспомнит и ясно осознает? Или уже осознала, просто не хочет выходить из роли?

4.

Дириг вышел из отеля и зашагал по тропинке в гору. Сначала показалось, что его прохватил альпийский утренний ветер, но вскоре он понял, что это знобящий страх. Он, несомненно, в опасности. Мстительность русской женщины вошла в легенду. Он помнил, что творили в Симферопольском подполье совсем юные девушки. Подкладывали мины, резали кабели, оставляя немецкое командование без связи. И, кажется, очень стойко сносили пытки. А если замороженная Анна несёт отсроченную месть? Дириг вспомнил, что в ней есть польская кровь, а поляки известны своим лукавством. Он остановился и посмотрел вниз. Мягкая линия зелёного склона спускалась к маленькому овальному озеру, блестящему, как карманное зеркальце Анны.

Он подумал, что было бы славно завести её далеко в горы — вон туда, в чёрную просеку ельника — и оставить там. Она не выберется: однажды дурочка едва не потерялась в парке. Идея была хороша, вот только Дириг, к несчастью, был очень привязчив. В детстве он не расставался с плюшевым медведем Карлом. Мальчик не хотел разлучаться с игрушкой, даже когда его приняли в подготовительную школу, но папа отнял Карла и отдал его в приют для бедных детей. Маленький Хайнц плакал по ночам почти целый месяц.

Потом был пони, подарок дяди на день рождения. Пони был лучшим другом, но через четыре года заболел и умер... К Анне Дириг был привязан, возможно, даже сильнее, чем к Карлу и пони. Он понял, что не сможет бросить её в горах. И потом, кто сказал, что сама Анна не привязалась к нему за это время? И что её затаённые воспоминания что-то значат? Вот бы заглянуть в её голову!

Через неделю, когда Анна совсем окрепла, он спросил её во время прогулки:

— Когда твой день рождения?

— Первого марта.

— Ах, отчего ты не сказала раньше!

Тень улыбки скользнула по её отрешённому лицу.

— Да-да. Ведь мой день рождения мы отмечали в ресторанчике, ты помнишь? Значит, в твою честь будем праздновать сегодня.

Они спустились в деревушку и сели в трактирчике «У Петера». Статное совершенство Анны отражалось в полированной поверхности дубового стола. Хайнц знал, что она равнодушна к алкоголю. Впрочем, иногда она охотно пила мятную настойку. Вот с неё можно и начать... Потом был шнапс под жареные колбаски.

Он наблюдал как она пьянеет. Как запылали щеки, поволокой подёрнулись глаза.

— Как звали твоего мужа?

Этот вопрос должен был приоткрыть её память. Но красавица не собиралась проспать.

— Я не помню.

Конечно, Анна помнила. Его карточные фокусы, его шутки. *Аннушка у нас очень задумчивая, ха-ха!*

Он хотел вывести особый сорт пиона, с крупными бледно-розовыми цветками.

Я назову его «Румянец Анны»!

— Вспомни.

Анна посмотрела в глаза Диригу.

— Я — фрау Анна Шефер.

И с этим было не поспорить. Дириг заказал ещё шнапса.

Когда он привёл её в гостиницу, она с трудом держалась на ногах. Он усадил её в кресло.

— Как звали главного врача больницы?

— Главного врача больницы... — механически повторила Анна.

Дириг прекрасно помнил, как его звали. Наум Балабан, еврей. Когда за ним приехали, они с женой уже были мертвы — приняли цианистый калий.

Дириг сделал ещё одну попытку.

— Когда мы уехали из Симферополя?

И снова эхо:

— Уехали из Симферополя...

Он наотмашь ударил её по лицу. Она посмотрела на него удивлённо и безо всякой враждебности. Дириг хотел ударить ещё раз, но вспомнил, что всегда считал себя джентльменом. Он решил, что использует другой способ заглянуть в её голову.

5.

Когда в сентябре они вернулись в Цюрих, Дириг принялся искать врача-гипнотизёра, владеющего русским. Чудом найденного специалиста звали Соломон Леви. Разумеется, Дириг увидел в нём отъявленного жулика, но выбора не было.

В назначенный час доктор Леви усыпил Анну с помощью метронома. Он должен был вытащить из её сознания самое болезненное.

— Вике 12 лет, а Павлику — 11, — медленно начала она. — Они постоянно бегают вокруг дома, а в доме — вверх и вниз по лестнице. И громко свистят в свистульки.

— Что это за дети? — спросил Леви.

— Дети Тимофея, моего мужа.

Она остановилась. Странные дети Тимофея и впрямь проявляли завидную неустанность в своих шумных играх. Зачем он подарил им эти глиняные свистульки, издающие резкие, безжалостные звуки? Анна вспоминала себя в 12 лет: она любила качаться в гамаке с книжкой. Сестра Капа приходила в беседку с тарелкой черешен или слив, они вместе качались и перебрасывались словами то по-русски, то по-немецки. А Виду и Павлика она не видела с книгой. Когда им надоедало играть, они забегали в кухню, где царила домработница Дора. Хватали пламенно-горячие пирожки или котлеты и уминали их за считанные секунды.

— Почему вы ничего не оставили? — спрашивала потом изумлённая Анна.

— Не надо быть раззявой! — отвечал Павлик.

— Нужно съесть сразу, пока горячее! — наставительно добавляла Вика, запихнув в рот сразу две карамели «Юный пионер».

Доктор Леви склонился над Анной:

— Расскажите, что произошло.

Анна вспомнила солнечный день. Она, как обычно, взяла кисточку, которой вручную опыляла белые пионы. Сколько цветков на её счету? Четыреста? Пятьсот? Надела старую соломенную шляпку. Её поля уже обтрепались, но она хорошо защищала от упрямого ялтинского солнца.

— Я назову новый пион твоим именем — «Виктория»!

— Ух ты, папка! Пион «Виктория»! А я твоим именем назову котёнка!

— Ты обещал назвать его в мою честь! — вслух произнесла Анна.

— Что назвать? Что именно назвать, фрау Анна?

— Он обещал назвать его в мою честь! Он обещал...

Анна повторяла и повторяла эту фразу, и талантов «известного гипнотизёра из Варшавы» не хватило, чтобы преодолеть этот ступор.

Расплачиваясь с доктором в прихожей, Дириг заявил, что дело нужно довести до конца. Но Леви отказался.

— Человеческий мозг весьма хрупок, герр Шефер, — забормотал врач. — Образно говоря, мы имеем дело с дверной защёлкой, которую заклинило. И новое воздействие может быть опасно. Право, я не рискну, герр Шефер...

«Если этого мямлю ударить пару раз башкой о стенку, он переменит бы мнение о хрупкости мозга!» — подумал Дириг. Но тут же вспомнил, что теперь он — Шефер, благомыслящий житель Швейцарии.

6.

После неудачи с гипнотизёром Дириг вновь крепко задумался, и пришёл к выводу, что должен отодвинуть от себя Анну. А для этого стоит обратить взор на другую женщину — всё просто! В голову сразу же пришла парикмахерша Клодин. Хорошенькая брюнетка лет двадцати восьми, она нравилась Диригу: была опрятна и не приставала с ненужными разговорами. И, что важно, пользовалась очень лёгкими духами.

Решено — после очередной стрижки герр Шефер пригласил Клодин в кинематограф. Засияв, она согласилась. Комедия «Матадоры» с Лорелом и Харди показалась Диригу многообещающей. Как и красивое платье Клодин в вертикальную сине-белую полоску. Но фильм разочаровал Шефера — свирепый бык так и не поддел рогами

Лорела, хотя всё шло к тому. А спутница раздражала его весь сеанс — шуршало её плиссированное платье, шуршали обёртки от имбирных леденцов. Кроме того, Клодин очень звонко смеялась, хотя ничего уморительного в проделках глуповатых героев не было.

Когда они вышли на воздух, уже стемнело. Дириг взял даму под руку, и они довольно долго и неспешно шли по Альтштадту. Он решил поцеловать её под разросшимся вязом. Целовал уверенно, но, не позволяя себе никаких вольностей. Во-первых, помнил о своём джентльменстве, а во-вторых, боялся, что складки платья вновь зашуршат. Клодин, однако, удивила Дирига. После поцелуя прижала ладони к груди и сказала с оттенком театральности: «О, герр Шефер! Вы можете решить, что я — вольного поведения, раз мне приходится работать в парикмахерской. Я бедная, но честная девушка». «Это делает честь Вашим родителям!» — сказал Дириг с лёгким поклоном, и подумал, что ему стоит подыскать новую парикмахерскую. Он не был готов к подвигу знакомства с бедными, но благородными родителями, чинной помолвки и долгого ухаживания с подарками: от полуфранцуженки он ожидал приятного легкомыслия.

Дириг смирился с тем, что романа с брюнеткой в его жизни не будет и, казалось бы, всё вошло в свою колею. Анна по-прежнему вышивала, кормила канарейку и прогуливалась в компании Магды. Дириг после обеда читал газеты, а по вечерам долго втирал в волосы перуанский бальзам — его тревожило, что шевелюра стала редеть. Но всё чаще ему казалось, что в безмятежном молчании Анны скрыто что-то неотвратимое и страшное. Он и раньше смутно догадывался, что совершенное им в Симферополе — неискупимо, но не испытывал по этому поводу особых мук: совесть его с младенчества была тиха и сдержанна. Теперь же он стал плохо спать, и снотворные порошки помогали не всегда.

«Я должен разбудить её, что бы за этим ни последовало!» — решил Дириг. Он хорошо помнил, что сказал русский психиатр: она может проснуться под влиянием какого-то потрясения. И вот однажды, когда Анна вошла в гостиную и приблизилась к птичьей клетке, то увидела Сюжетту со свёрнутой шеей.

Дириг застал Анну в потёмках. Она сидела на краешке дивана, обхватив себя руками, и раскачивалась взад и вперёд. Он подошёл к ней. На миг ему показалось, что сейчас она заискрит как лейденская банка. Но она просто подняла на него напряжённо-вопрошающий взгляд. А наутро была прежней.

7.

На лето Дириг снял для них с Анной загородный дом с садиком, красивый, как на открытке. Будучи очень внимательным к своему здоровью, он решил, что такой отдых успокоит нервы и будет полезен для лёгких. В первую ночь на новом месте ему приснилась полудевочка с пушистыми, как шерстяная кудель, волосами. Утром он безуспешно пытался вспомнить, где видел её раньше.

А вечером их навестили соседи — симпатичная пара средних лет. Была бутылка рислинга и сыр грюйер, разговоры об отречении итальянского короля и о швейцарском шоколаде. Гостья то и дело обращалась к Анне, хотя Дириг предупредил, что супруга-полька плохо понимает немецкий. Анна казалась ещё более отстранённой, чем обычно. Заметив любопытные взгляды дамы, Дириг слегка разозлился.

— Анна, хватит сидеть, как статуя. Сходи в сад и срежь нам цветов! — сказал он по-русски.

Она спустилась в цветник. Приторный, душный запах. Пионы. Она вспомнила — тот день был таким же знойным. Вились осы. Она не могла их отгонять — были заняты руки. Осторожно отгибая лепесток за лепестком, она добиралась до крохотного пестика. Несносная пыльца щекотала гортань... Сколько лепестков у этого пышного пиона? А не всё ли равно теперь? Томный розовый пион не будет зваться её именем. Опять оса. Она помотала головой, и шляпка зацепилась за куст.

*Цветочная фея, пионная фея,
Сними свою глупую шляпу скорее!
Пионная фея, глупая фея,
Покинь же скорее объятья морфея!*

Они бегали вокруг неё с безудержным смехом. Павлик дёрнул за подол юбки. Она выпрямилась. У дерева стояли грабли, заботливо наточенные Тимофеем. К глазам подступила мутная вода. Потом она услышала вопль — двойной детский вопль. И в ту же секунду Дора схватила её за руку.

...Анну била дрожь, когда она нащупала на скамейке садовые ножницы. Но рука её была тверда, когда вонзила секатор в артерию Дирига.